

Сообщения

ПОНЯТИЕ НЕДОКАЗАННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Н. Г. СТОЙКО, аспирант

Доказывание — это познание истины, переход от незнания к знанию в специфических условиях уголовного судопроизводства.¹ Его смысл в удостоверении, обосновании, подтверждении доказательствами выводимого знания.² Поэтому в каждый данный момент своего развития доказывание может характеризоваться с точки зрения вероятности и достоверности, доказанности и недоказанности. Причем достоверному знанию в уголовном процессе будет соответствовать доказанность обстоятельств уголовного дела, а вероятному — недоказанность. Следовательно, доказанность характеризует достоверное знание и означает достаточность доказательств для вывода о достижении истины по делу. Недоказанность, напротив, характеризует вероятное знание и означает недостаточность доказательств для достоверного вывода.

Такие характеристики будут определять состояние доказывания по уголовному делу, показывая, как неполное, неточное знание становится более полным и объективным,³ т. е. переход от недоказанности к доказанности. Иначе говоря, для доказывания характерно позитивное изменение уровня знаний об обстоятельствах дела и переход к состоянию доказанности.

Однако познание в уголовном судопроизводстве, как правило, сталкивается со значительными трудностями. Иногда это может привести к невозможности достижения достоверного уровня знаний. Речь идет о недоказанности как исключительном состоянии доказывания по уголовному делу, охватывающем все случаи необъективности, противоречивости и недостаточности доказательств, случаев, которые не разрешены и

неразрешимы.⁴ В этом смысле к недоказанности относится такое состояние доказывания, которое должно: а) отражать достижение лишь вероятного уровня знаний; б) означать невозможность дальнейшего доказывания; в) влечь прекращение уголовного дела или оправдание.

Исходя из этих требований законодатель сформулировал ряд оснований прекращения уголовного дела (оправдания).

Так, в стадии предварительного расследования предусмотрено прекращение дела при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если все возможности собирания дополнительных доказательств исчерпаны (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР).⁵ В стадии судебного разбирательства выносится оправдательный приговор, если не установлено событие преступления, а также если не доказано участие подсудимого в совершении преступления (п.п. 1 и 3 ст. 309 УПК РСФСР). В стадии кассационного производства обвинительный приговор отменяется, а дело прекращается, если обвинение не подтверждено доказательствами и нет оснований для дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения (ч. 2 ст. 349 УПК РСФСР).

Сравнивая указанные основания, нетрудно заметить, что они изложены по-разному.

Для обозначения понятия недоказанности употребляются три термина: «не доказано» («недоказанность»), «не установлено», «не подтверждено доказательствами». Сами по себе эти расхождения не имеют значения, поскольку «установить» в уголовном процессе значит «удостоверить, доказать, подтвердить какое-нибудь поло-

¹ См.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 19.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 288.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 102.

⁴ О возможности недостижения достоверного уровня знаний в уголовном процессе см., например: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, с. 337.

⁵ Здесь и далее имеются в виду и соответствующие статьи УПК других союзных республик, если иное не оговорено.

жение фактами, доводами»⁶ Однако они будут способствовать двусмысленному пониманию недоказанности, если соответствующая формулировка закона не отразит факт невозможности доказывания в данном случае.

Так, без указания на этот факт под недоказанностью, неустановлением, неподтверждением доказательствами каких-либо обстоятельств дела, видимо, допустимо понимать как отсутствие, так и недостаточность доказательств для достоверного вывода. Кроме того, недоказанность вообще означает только то, что процесс доказывания не завершен, в принципе предполагая его завершение состоянием доказанности.

К сожалению, законодатель далеко не во всех случаях предусмотрел необходимость указания на невозможность доказывания в дальнейшем при формулировании оснований прекращения дела (оправдания) за недоказанностью. Только применительно к стадии предварительного расследования этот факт нашел полное и ясное выражение (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР), в то время как при формулировании указанных оснований в стадии судебного разбирательства он не отражен совсем.

Что касается стадии кассационного производства, то в ней предусмотрено следующее условие прекращения дела и отмены обвинительного приговора — отсутствие оснований для дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения (ч. 2 ст. 349 УПК РСФСР). На первый взгляд, подобное условие не затрудняет понимания недоказанности. Если при вероятном уровне знаний нет оснований для дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения, то нет и возможности доказывания в дальнейшем. Однако при достоверном уровне знаний надобность в данном условии не отпадает, поскольку, например, вынесение приговора незаконным составом суда, несомненно, является основанием для нового судебного рассмотрения и в этом случае.

Поэтому любое определение недоказанности как исключительного состояния доказывания по уголовному делу должно содержать конкретное указание на невозможность доказывания в дальнейшем.

Аналогично должен быть решен рассматриваемый вопрос и в УПК других союзных республик. Положительный пример показывают УПК УССР и Грузинской ССР. По ч. 2 ст. 359 УПК Грузинской ССР дело подлежит прекращению, а обвинительный приговор отмене, если отсутствуют возможности установления дополнительных доказательств, а по ст. 375 УПК УССР — когда новое рассмотрение дела не может дать

достаточных данных для вынесения обвинительного приговора.

Анализ сравниваемых оснований прекращения дела (оправдания) показывает, что закон определяет понятие недоказанности применительно к участию обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления, к событию преступления и к обвинению в целом.

Первые два обстоятельства входят в предмет доказывания по уголовному делу. Недоказанность их препятствует дальнейшему доказыванию и влечет прекращение дела или оправдание. Причем только в отношении данных обстоятельств недоказанность означает появление непреодолимых препятствий в доказывании.⁷

Третье обстоятельство — обвинение — комплексно. По своему содержанию оно охватывает все, что подлежит доказыванию по делу. Однако под недоказанностью обвинения закон может подразумевать только недоказанность участия обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления и недоказанность события преступления.

Тем не менее факт наличия двух обстоятельств, недоказанность которых обуславливает недостижение познавательного результата в уголовном процессе, не нашел должного отражения в законе.

Так, только в стадии судебного разбирательства недоказанность предусмотрена в отношении и участия лица в совершении преступления и события преступления. А в стадии предварительного расследования согласно УПК большинства союзных республик недоказанность предусмотрена лишь в отношении участия лица в совершении преступления, в то время как и в отношении события преступления она, по всей вероятности, не может быть исключена. В какой-то мере данный недостаток устранен в УПК Латвийской ССР, определившим недоказанность предъявленного обвинения как основание прекращения дела (п. 2 ч. 2 ст. 208). Однако такое определение не совсем удовлетворительно, поскольку, по меньшей мере, оставляет открытым вопрос о возможности недоказанности события преступления до момента предъявления обвинения.

В стадии кассационного производства большинство УПК союзных республик предусмотрело недоказанность по отношению к обвинению в целом. В то же время в УПК ряда союзных республик недоказанность установлена лишь применительно к участию подсудимого (осужденного) в совершении преступления или к виновности (п. 2 ст. 349 УПК Латвийской ССР, п. 2 ст. 390 УПК Литовской ССР и п. 2 ст. 316 УПК ЭССР).

⁶ См.: Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. М., 1953, с. 146, 764, 777; Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1, с. 455, т. 4, с. 474. М., 1955; *Словарь русского языка*, т. 4. М., 1961, с. 642; *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М., 1973, с. 288.

⁷ Что касается обстоятельств дела, то недоказанность применительно к ним не влияет на решение дела по существу и влечет иные последствия (см., например: *Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса*, т. 1. М., 1968, с. 358—360).

Такое расхождение, видимо, не случайное. Указание в законе на недоказанность обвинения в целом создает впечатление, что речь идет об обвинении в смысле утверждения виновности и только. В определенной мере избежать этого удалось в УПК УССР, признающем недоказанность применительно к выводам суда первой инстанции (ст. 373). Но какие выводы имеются в виду, закон и здесь не уточняет.

Все это наводит на мысль, что, возможно, законодатель вообще не разграничивает понятие недоказанности по отношению к событию преступления и по отношению к участию лица в совершении преступления. Тогда правомерно регулирование всех случаев недоказанности события преступления в стадии предварительного расследования на основе п. 2 ст. 208 УПК РСФСР,⁸ а в стадии судебного разбирательства, если учесть указанную выше двусмысленность положения «не установлено», — на основе п. 3 ч. 3 ст. 309 УПК РСФСР. Таким образом, под сомнение ставится признание недоказанности события преступления самостоятельным основанием прекращения дела или оправдания.

Однако недоказанность участия лица в совершении преступления означает прежде всего то, что преступный характер деяния, участие в котором и доказывается, очевиден. В то же время недоказанность события преступления означает как раз вероятное знание самого преступления. По своему содержанию сравниваемые категории исключают друг друга: если не доказано наличие преступления, то, наверное, бессмысленно говорить об участии в нем каких-либо лиц.

Следовательно, вопрос о недоказанности события преступления не может быть разрешен на основе п. 2 ст. 208 или п. 3 ст. 309 УПК РСФСР.

На практике встречаются случаи, когда такое решение возможно. Подобные случаи имеют следующие особенности: во-первых, известен круг деяний, которые могут представлять собой либо одно преступление (с квалифицирующими признаками или без них), либо несколько преступлений; во-вторых, конкретно определен и ограничен круг лиц, могущих совершить преступные деяния; в-третьих, неизвестно, кто из данного круга лиц какое деяние совершил и в какой взаимосвязи. Причем все возможности доказывания исчерпаны.

Получается, что, с одной стороны, конкретное преступное деяние установлено лишь вероятно, а с другой — не доказано участие конкретных лиц в его совершении.

Таким образом, рассматриваемый случай характеризуется наличием признаков как недоказанности события преступления, так и недоказанности участия лица в совершении преступления, которые здесь не совпадают.

Совпадение указанных признаков может быть там, где установление участия в со-

вершении преступного деяния невозможно отделить от установления самого деяния и его преступного результата. Недоказанность участия лица в совершении преступления будет как бы растворяться в недоказанности события преступления, совпадать с ней (например, по делам об изнасилованиях). В случае же, когда не доказана только взаимосвязь действия или бездействия, такого совпадения нет, так как преступный результат установлен независимо от определения лиц, участвовавших в преступлении, и namely недоказанность конкретного преступления. Однако взаимосвязь этих действий или бездействий, а следовательно, и конкретное преступное деяние можно выявить, только установив участие конкретных лиц в их совершении. Поэтому правомерно в аналогичных описанному случаях разрешить дело на основании п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК РСФСР. Во всех иных случаях это недопустимо.

Итак, недоказанность события преступления — самостоятельное основание прекращения дела (оправдания) и в стадии предварительного расследования, и в стадии судебного разбирательства, и в стадии кассационного производства.

Решить вопрос о недоказанности события преступления в стадии предварительного расследования возможно только путем применения по аналогии п. 1 ч. 3 ст. 309 и ч. 2 ст. 349 УПК РСФСР.⁹ При этом следователям, принимающим соответствующее решение, необходимо рекомендовать, во-первых, отражать в своих постановлениях фактическое основание прекращения дела, и, во-вторых, делать ссылку на п. 1 ч. 3 ст. 309 и ч. 2 ст. 349 УПК РСФСР как юридическое основание прекращения дела. Таким образом удастся не смешивать на практике недоказанность события преступления с другими основаниями прекращения дела, и в первую очередь с недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления.

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Требования, предъявляемые к недоказанности как исключительному состоянию доказывания по уголовному делу, не нашли достаточно полного и ясного выражения в законе: во-первых, нет единства терминологии, употребляемой для обозначения понятия недоказанности; во-вторых, не всегда соответствующая формулировка закона отражает или точно определяет факт невозможности дальнейшего доказывания; в-третьих, не во всех стадиях, где это необходимо, отражен или четко определен факт наличия двух обстоятельств, недоказанность которых препятствует успешному завершению доказывания; в-четвертых, в УПК союзных республик существуют различия в регулировании недоказанности.

⁹ О применении уголовно-процессуального закона по аналогии см.: Строгович М. С. Указ. соч., с. 40—50; Элькин Д. П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во Ленингр. ун-та, 1963, с. 162 и др.

⁸ См.: Жогин Н. В., Фаткудлин Ф. Н. Указ. соч., с. 335—336.

Отсутствию единства в понимании и регулировании недоказанности в уголовном процессе способствует и недостаточное отражение в законе требований, предъявляемых к доказанности. Речь идет о состоянии доказанности, аналогичном по своим последствием недоказанности: как в том, так и в другом случае происходит прекращение уголовного дела. Такое состояние, по-видимому, должно: а) отражать достижение достоверного уровня знаний, б) означать достижение необходимых и достаточных пределов доказывания, в) влечь прекращение дела или оправдание по реабилитирующим мотивам.

В соответствии с этими требованиями законодатель, видимо, и сформулировал только два основания прекращения дела (оправдания) — отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления (п. п. 1, 2 ст. 5 УПК РСФСР).

И то и другое основание определено достаточно ясно и полностью отвечает предъявленным к понятию доказанности требованиям. Поэтому на основании п. п. 1 и 2 ст. 5 УК РСФСР, равно как и по аналогии с ними, не может быть разрешен ни один случай недоказанности. Действительно, оба основания — и отсутствие события преступления, и отсутствие состава преступления — сформулированы таким образом, что исключают возможность толкования их как характеристик недостоверного уровня знаний. Поскольку случаи недоказанности и недоказанности однородны только по правовым последствиям, постольку в данном случае невозможно применение процессуального закона по аналогии.¹⁰

В то же время в законе не отражены либо отражены не полностью все обстоятельства, доказанность которых влечет прекращение дела (оправдание). Например, такое обстоятельство, как непричастность обвиняемого (подсудимого) к преступлению вообще не урегулировано. А отсутствие события преступления определено лишь для стадий предварительного расследования (п. 1 ст. 208 УПК РСФСР) и кассационного производства (ч. 1 ст. 349 УПК РСФСР).

Это неправильно. Если закон признает возможность недоказанности данных обстоятельств, он тем более не может не признавать их доказанности. Поэтому доказанность того, что преступления не было, а также неучастия в совершении преступления, должна быть определена в такой же мере, как и недоказанность.

Кроме того, отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления как основания прекращения дела (оправдания) разграничены нечетко.

Событие преступления в уголовно-правовом смысле — это событие, обладающее всеми признаками состава преступления, либо во всяком случае включающее объективную сторону состава, что и в том и в другом смысле означает растворение поня-

тия «отсутствие события преступления» в понятие «отсутствие состава преступления». На практике это приводит к смешению соответствующих оснований прекращения дела (оправдания), а также создает предпосылки для смешения этих оснований с недоказанностью события преступления.

Чтобы избежать подобных последствий, в теории выдвинуто предложение изменить формулировку п. 1 ст. 5 УПК РСФСР и изложить ее в следующей редакции: отсутствие события (или деяния), предположение о наличии которого послужило основанием возбуждения дела.¹¹

Действительно, для возбуждения дела необходимы данные, дающие объективные основания предполагать наличие определенного уголовно наказуемого действия (бездействия).¹² Иначе говоря, основанием возбуждения дела является событие, которое обоснованно предполагается преступным. Отсутствие данного события должно либо исключать производство по делу, либо влечь прекращение дела или оправдание.¹³ Становится ясным также и различие между указанным событием и составом преступления, при отсутствии которого событие, послужившее основанием возбуждения дела, наличествует, а признаки преступления в нем отсутствуют.¹⁴

Все это, безусловно, будет способствовать преодолению двусмысленного понимания недоказанности, смешения на практике и в теории отсутствия события преступления с его недоказанностью, недоказанности события преступления с отсутствием его состава и недоказанности участия в совершении преступления с непричастностью к этому преступлению.¹⁵

В настоящее время указанные недостатки еще не преодолены. Так, исследование уголовных дел, прекращенных следователями прокуратуры Октябрьского района г. Красноярска в 1976—1977 гг., показывает, что из 75 уголовных дел, прекращенных за отсутствием события преступления, фактически подлежали прекращению за отсутствием состава преступления — 20,1%, за недоказанностью события преступления — 4,7, и из 72 дел, прекращенных за отсутствием состава преступления, следовало прекратить за отсутствием события преступления — 25,5, за недоказанностью события преступления — 2,7, за недоказанностью участия в совершении преступления — 1,3%.

¹¹ См.: Карнеева Л. Прекращение уголовного дела за отсутствием события и состава преступления. — Социалистическая законность, 1970, № 5, с. 54.

¹² Комментарий к УПК РСФСР. М., 1976, с. 175.

¹³ Представляется, что процессуальное понятие события преступления нуждается в дальнейшем уточнении.

¹⁴ См. подробнее: Карнеева Л. Указ соч., с. 53—64.

¹⁵ См., например: Дубинский А. Я. Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования. Киев, 1975, с. 50, 66.

¹⁰ См.: Строгович М. С. Указ. соч., с. 50.

Таким образом, наличие пробелы в праве. «Подобные положения в корне противоречат одному из основных требований, предъявляемых к советскому законодательству, а именно, чтобы законы были написаны языком, понятным не только юристам, но и каждому советскому человеку».¹⁶

¹⁶ См.: Голунский С. А. Новые Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. — В кн.: О новом общественном законодательстве по уголовному праву, процессу и судостроительству. М., 1959, с. 63—64.

О ПРЕОДОЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В. С. БУРДАНОВА, кандидат юридических наук

Понятие «психологический барьер» появилось в литературе в ходе научно-технической революции. В связи с этим возникла необходимость в его изучении, определении содержания, выработке рекомендаций по преодолению психологических барьеров. Социальные психологи понимают под психологическим барьером такие психические процессы, свойства или даже состояния человека, которые консервируют скрытый эмоционально-интеллектуальный потенциал его активности.¹ Другими словами — это трудности в деятельности людей, которые не дают возможности иной раз работать в полную силу. Такие барьеры встречаются и в работе следователя. Наиболее четко они проявляются в четырех видах его деятельности: в общении с участниками уголовного процесса и другими лицами, принятии по делу важных решений, планировании расследования и проведении отдельных следственных действий.

1. Следователь при производстве предварительного следствия постоянно общается с участниками уголовного процесса и другими лицами. Это коллеги по бригаде, дежурной группе, начальник следственного подразделения, прокурор, оперативные сотрудники, ревизоры, эксперты, потерпевшие, свидетели, обвиняемые, подозреваемые, адвокаты и др. В деятельности следователя психологические барьеры создают, например, сопротивление обвиняемого, его нежелание дать правдивые показания, добровольно выдать вещественные доказательства, ценности, деньги, от обнаружения которых зависит дальнейшее расследование; заблуждения потерпевшего, свидетеля, особенно несовершеннолетнего, ошибающихся, но настаивающих на своем, приводящих в показаниях все новые подробности; борьба за лидерство в группе; ошибки экспертов, влияющие на построение следственных

Для этого необходимо: во-первых, сформулировать два самостоятельных основания прекращения дела (оправдания) по реабилитирующим мотивам — недоказанность события преступления и непричастность лица к совершению преступления, соответственно дополнив ст. ст. 208, 309, 349 УПК РСФСР; во-вторых, существующие формулировки оснований прекращения дела (оправдания) по реабилитирующим мотивам привести в соответствие с предъявленными к ним требованиями, соответственно изменив п. 1 ст. 5, п. п. 1, 3 ч. 3 ст. 309 и ч. 2 ст. 349 УПК РСФСР.

версий (и ошибки следователя, которые иногда влияют на заключение эксперта) и др.

2. В принятии по делу важных решений в качестве психологических барьеров выступают сомнения следователя в наличии оснований для возбуждения дела, ареста обвиняемого (подозреваемого), обыска и т. п. В принятии решения немалую роль играют субъективные факторы: профессиональный опыт, черты характера и др. Например, при возбуждении уголовного дела по признакам хищения следователь (начальник следственного подразделения, прокурор) нередко думают не о том, являются ли известные им факты признаками хищения, а о том, возможно ли будет доказать хищение. Ответ на этот вопрос зависит от профессиональной и общей подготовки решающего, уверенности в своих знаниях и силах, умения организовать подсобный аппарат (специалистов по розыскной работе, по работе с документами и др.), его физического и психического состояния в данный момент.

Да и первый вопрос — имеются ли в обнаруженных фактах признаки хищения — решается по-разному в зависимости от знания способов хищений, признаков таких способов в документальных и иных данных.

3. Особенно ярко психологические барьеры проявляются при планировании расследования, когда выдвигаются версии, строятся модели события, определяются предметы доказывания таких, в частности, фактов, на установление которых потрачено много времени и сил, но сомнения в доказанности не устранены, решаются вопросы о последовательности действий следователя и т. д.

Трудные психологические барьеры создают также версии защиты. Они «встают» перед следователем порой неожиданно, иной раз слишком поздно, когда преодолеть их следователь уже не в состоянии, например, при окончании предварительного следствия, если срок расследования продлить невозможно, либо в судебном заседании, где воз-

¹ Парыгин Б. Д. Психологический барьер и его природа. — В кн.: Социальная психология и философия, вып. 3. Л., 1975, с. 3.